

УДК 821.112.2

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗА А. ЗЕГЕРС «ТОМАС»

Мельникова Л.А.

*к.ф.н., доцент кафедры филологических дисциплин,
Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет имени Н.Г.
Чернышевского»,
Балашов, Россия*

Аннотация. В статье подвергается осмыслению система персонажей рассказа А. Зегерс «Томас». Посредством метода описательной поэтики анализируются образы педагогов и воспитанников детского дома. Выявляются основные средства репрезентации сознания центрального персонажа Томаса Хельгера: несобственно-прямая речь, внутренний монолог, дихотомия «прошлое» – «настоящее». Посредством воссоздания стиля поведения и общения Томаса писательница показывает, как воспитание в соответствии с постулатами нацистской идеологии ломает психику ребенка и искажает его восприятие реальности.

Ключевые слова: А. Зегерс, рассказ, Томас, педагоги, дети, воспитание, война, нацизм.

THE CHARACTER SYSTEM OF THE STORY BY A. ZEGERS "THOMAS"

Melnikova L.A.

PhD

*Balashov Institute (branch) Saratov national research state university named N.G.
Chernyshevsky*

Balashov, Russia

Abstract. The article examines the system of characters in the story by A. Zegers "Thomas". Through the method of descriptive poetics, the images of teachers and pupils of the orphanage are analyzed. The main means of representing the consciousness of the

central character of Thomas Helger are revealed: improper direct speech, internal monologue, dichotomy "past" - "present". By recreating Thomas's style of behavior and communication, the writer shows how upbringing in accordance with the postulates of Nazi ideology breaks the child's psyche and distorts his perception of reality.

Keywords: A. Zegers, story, Thomas, teachers, children, upbringing, war, nazism.

Анна Зегерс (Anna Seghers, наст. имя и фамилия Netty Radvanyi, урожд. Reiling, 1900–1983) – немецкая писательница, творчество которой традиционно рассматривается в рамках литературы ГДР.

Малая проза данного автора уже становилась объектом внимания ряда отечественных исследователей – А. Г. Баровой [1], Ю.В. Красовицкой [3], Н.С. Леоновой [4], Л.А. Мельниковой [5], А. Русаковой [6].

Рассмотрим в настоящей статье художественный мир рассказа А. Зегерс «Томас» (1959). В системе персонажей данного произведения выделяются две группы героев: педагоги и дети. Первая представлена директором детского дома Вальдштейном и учительницей Элизабет Винклер. Ко второй относятся центральный персонаж Томас, Эде, Пипс, Вилли и еще несколько детей, оставшихся в рассказе неназванными.

В центре сюжета произведения судьбы осиротевших в результате войны детей. Композиционно рассказ можно условно поделить на две части. В первой описываются особенности взаимоотношения Томаса с учителями, во второй – со сверстниками, причем взаимодействие центрального героя с ровесниками описывается в новелле уже вне стен детского дома, в период бродяжничества мальчика, что, в свою очередь, подчеркивает стремление данного персонажа к свободе от условностей и каких-либо рамок.

Предметом основного внимания А. Зегерс в данном рассказе являются поведение и мировоззренческие установки главного героя Томаса Хельгера. Автор

подвергает художественному исследованию то, как война калечит сознание и психику детей, оставшихся без родителей. Писательница рассматривает одиночество Томаса как следствие утверждения в Германии во всех сферах жизни общества, в том числе и в образовании, нацистской идеологии.

В рассказе отсутствует развернутое описание внешнего облика Томаса. Вместо этого писательница делает акцент на воссоздании психологического портрета героя. При этом особо подчеркивается отстраненность Томаса от внешнего мира – он ведет себя «тихо и замкнуто», на вопросы ребят отвечает коротко, в грайльхаймской школе учится «тому, чему его там учат», «не очень хорошо, но и не очень плохо, не тратя времени зря, но и не прилагая особых стараний» [2, 305].

Мальчик отгораживается стеной молчания не только от ровесников, но и от педагогов, на работу которых также накладывают свой отпечаток особенности послевоенного времени.

Директор учебного заведения Вальдштейн изображен в рассказе человеком, искренне считающим, что детский дом должен стать родным домом для всех детей. Он стремится проникнуть в душу каждого ребенка, используя в сложных случаях различные педагогические подходы, например, разнообразные формы беседы: «Если кто-нибудь из ребят оставался для него закрытой книгой, он всегда помнил об этом и выспрашивал его, иногда словно бы невзначай, мимоходом, иногда в особые часы у себя в кабинете» [2, 306]. Вальдштейн болезненно переживает тот факт, что и педагогический, и детский коллективы являются динамически подвижными. Дети, по всей видимости, потерявшие душевное равновесие и точку опоры за военные годы часто убегают, кто-то с определенной целью, кто-то – без всякой цели. Однако более ощутимы для директора изменения в педагогическом составе учителей и воспитателей: «Иногда, когда директор считал, что на нового воспитателя можно положиться во всем и всегда, тот собирал вещи и уходил.

Оказывается, он пришел сюда потому, что потерял в войну семью и профессию, теперь же у него появились новые перспективы» [2, 306].

Таким образом, писательница уже в самом начале своего рассказа дает понять читателю, что атмосферу изображаемого ею детского дома отличает неустойчивость, отсутствие стабильности. Это место и в глазах педагогов, и в глазах детей выступает в качестве временного пристанища, которое непременно должно быть покинуто.

Важным средством раскрытия образа центрального героя Томаса в рассказе являются описания ситуаций его общения с педагогами. При этом А. Зегерс всячески подчеркивает сложность натуры Томаса. Так, мальчик представляет собой настоящую загадку для своей учительницы Элизабет Винклер. Он всячески старается лишить ее возможности понять истинную сущность своего характера. Видя напряженное лицо мальчика во время классного чтения книги «Ташкент – город хлебный», Винклер решает, что Томас ничего не понял из прочитанного. Но когда педагог спрашивает его, мальчик составляет четкий пересказ изученного текста: «Это помешало ей разобраться в выражении его лица. Казалось, след улыбки промелькнул на нем, словно мальчик ее перехитрил» [2, 306] В результате Элизабет чувствует растерянность потому, что на уроке пения лицо этого ученика снова ей непонятно.

Пытается установить доверительные отношения с Томасом директор Вальдштейн. Однако в сознании мальчика постоянно присутствует дихотомия «прошлое» – «настоящее». Он сравнивает атмосферу прежнего и теперешнего своего пребывания в Грайльсхайме с периодом своего проживания в Берлине, отмечает перемены в лучшую сторону, однако раскрывать своей души ни перед воспитателями, ни перед директором не желает. Для воссоздания душевного состояния Томаса А. Зегерс использует прием внутреннего монолога. Мальчик в ответ на теплое и доброжелательное отношение к нему учителей внешне отвечает подчеркнута спокойным безразличием, испытывая на самом деле совсем другие

чувства: «Меня не проведут, никому теперь не верю, никого из них к себе не подпущу» [2, 308].

Тем не менее Томасу достаточно сложно оказывается не ответить взаимностью на добродушное отношение к нему директора. Посредством использования приема несобственно-прямой речи А. Зегерс показывает колебания в душе мальчика во время его общения с Вальдштейном: «Было очень трудно держаться так, чтобы не пустить взгляд старика к себе в душу. Руки можно стряхнуть, слова тоже, но взгляд хоть и из-за очков, но на близком расстоянии – такой требовательный, такой притягивающий, точно свет в окнах... Видишь, как он мерцает, стоишь один-одинешенек на темной улице и думаешь, как тепло там, внутри. Но он, Томас, не даст себя заманить, он останется снаружи в темноте» [2, 308]. В приведенной цитате обращает на себя внимание оппозиция «свет» – «темнота», она подчеркивает, с одной стороны, стремление мальчика к сохранению дистанции, с другой – указывает на его тоску по настоящему сердечному общению. Однако, боясь очередного предательства или разочарования, Томас делает тактикой своего поведения отстраненность, которая становится для него своеобразной психологической защитой от возможных огорчений, причиной которых могут стать поступки взрослых.

Когда директор начинает рассказывать Томасу о его отце Акселе Хельгере, о его дальнейшей судьбе после того, как тот начал распространять листовки против войны, в сознании мальчика снова возникает оппозиция «настоящее» - «прошлое». В старом детском доме мальчику внушили, что его отец совершил преступление против своей нации: «Иногда, попрекая этим сына, говорили, что недаром и у него грязные страницы в тетрадях, да и одеяло он складывает небрежно. Иногда в старом грайльсхаймском детском доме ему говорили, что действительно отец его совершил тяжкое преступление, но он, сын, может его искупить. Он должен всегда, каждый день, каждый час искупать преступление отца. А ее говорили, что лучше

всего, если Томас вообще забудет отца, совсем и навсегда. И вдруг все сразу изменилось. Новый директор очень уважает отца Томаса» [2, 311–312].

Воспитание в контексте нацистской идеологии ломает сознание мальчика, извращает его восприятие реальности. Сначала его заставляют стыдиться своего отца, внушают ему мысль о том, что лучше забыть его навсегда, затем начинают говорить о нем с уважением. Узнав о том, что он – сын героя-подпольщика, Томас воспринимает это известие, как новый обман, которым хотят его увлечь, лишив внутренней независимости свободы [6, 10]. В результате разговоры о отце начинают пугать Томаса. Война рвет родственные связи, заставляя ребенка столкнуться с одиночеством.

В результате этого все, что связано с фашистскими лозунгами, пропагандистскими декламациями, вызывает у мальчика стойкое неприятие. Показательна в этом отношении реакция мальчика на новую немецкую хрестоматию: «Того, что внушало ему отвращение в прежнее время в хрестоматиях <...> в этой новой книге не было. Не было слов, напечатанных вначале жирными буквами, слов, которые силой вбивали в него, которые заставляли переписывать и твердить, одинаково и в поощрение и в наказание, - слов про нацию, и про землю, и про десницу господню. Здесь не было нарисовано генеалогическое древо с птицами-человеками на ветвях. Ему, Томасу, эти птицы накаркали беду, уверял тогда Вилли, потому что у него вообще нет никакого генеалогического древа. Имя отца его забыто, мать исчезла: он вообще ни от кого не происходит» [2, 308].

Для воссоздания более полного представления у читателей о Томасе А. Зегерс использует прием антитезы, сопоставляя по принципу контраста образы сирот Томаса и Эде: «Томас, мрачный и замкнутый, погруженный в себя, но с ясным умом, способным к любой работе, всегда готовый дать на любой вопрос разумный ответ, и тупой Эде с остекленевшим, бессмысленным взглядом вместо ответа с неправильными кривыми и длинными зубами и полуоткрытым ртом» [2, 309].

В данном сопоставлении примечательно, что при описании Томаса акцент делается на его внутренних качествах, при описании же Эде фиксируются, в первую очередь, особенности внешности этого героя. «Бессмысленный взгляд» Эде контрастирует с ясным умом Томаса. Посредством использования данных деталей писательница намекает на основательность Томаса и поверхностность Эде. Также это способствует условному делению данных персонажей на положительного и отрицательного. Остальные образы детей в рассказе описаны схематично, в период их совместного бродяжничества после побега из Грайльсхайм

Столкновение с реалиями детского дома, буллингом со стороны Вилли, с фальшью и лицемерием взрослых приводит к тому, что у главного героя вырабатывается стойкое неприятие насилия, именно поэтому ему так неприятен Эде, притесняющий Пипс. Перенесенные в результате войны страдания закрывают душу ребенка, сводя на нет все попытки педагогов найти с ним общий язык. Детский дом ассоциируется у мальчика с клишированным и стереотипным воспитанием, в результате он убегает из него, бродяжничает несколько месяцев и лишь после этого находит приют у кузнеца в Фельгене.

На основании всего вышесказанного можно заключить, что в рассказе «Томас» А. Зегерс подвергает художественному исследованию сознание оставшихся без родителей в результате войны детей. Воссоздавая поведение и образ мыслей осиротевшего ребенка посредством несобственно-прямой речи, внутренних монологов, дихотомии «прошлое» – «настоящее», писательница показывает, к каким изменениям в сознании Томаса привело его воспитание в соответствии с нацистскими постулатами. Конечным результатом этого стала сломанная психика ребенка, болезненное переживание им одиночества, собственной неприкаянности, недоверие к окружающим людям, замкнутость, страх вспоминать и думать о своем отце.

Библиографический список

1. Барова, А. Г. Художественное своеобразие рассказа А. Зегерс «Прогулка мертвых девушек» / А. Г. Барова // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 55-летию факультета иностранных языков ЕИ КФУ. – Елабуга, 2020. – 34–36.
2. Зегерс, А. Томас // А. Зегерс. Человек и его имя: повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 305–317.
3. Красовицкая, Ю.В. Бегство и возвращение: осмысление феномена эмиграции в рассказах Анны Зегерс / Ю.В. Красовицкая // Вестник МПГУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3(43). – С. 21–28.
4. Леонова, Н.С. Черты биографического романа в рассказе А. Зегерс «Встреча в пути» / Н. С. Леонова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – № 1. – С.64–68.
5. Мельникова, Л.А. Хронотоп в рассказе А. Зегерс «Крисанта» / Л. А. Мельникова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2023. – № 3 (27). – С. 313–317.
6. Русакова, А. Повести и рассказы Анны Зегерс / А. Русакова // А. Зегерс. Человек и его имя: рассказы и повести. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 5–12.

Оригинальность 82%